

10. Snapковский, В. Е. Перечень тем, предлагаемых Польской стороне для совместных исследовательских проектов белорусских и польских историков. Записка декану ФМА БДУ В. Г. Шадурскому 03.02.2015 г. (2 маш. стар.) // Архіў аўтара.

11. Snapkowski Wl. Oceny i propozycje dotyczace wspolpracy bialoruskich i polskich historyków. List prof. dr. hab. Zbiegniewu Karpusiu od 03.02.2015 (2 masz. str.) // Архіў аўтара.

ОСВЕЩЕНИЕ НАРРАТИВА ПОЛЬШИ XX В. В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тихомиров А. В., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: tihomirow@list.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрываются особенности освещения нарратива Польши XX в. в работах историков Республики Беларусь. Отмечается, что нарратив Польши и польской политики XX в. в историографии Республики Беларусь не сопровождался позитивной коннотацией, многие утвердившиеся в советское время оценки исторических событий, сохранились, несмотря на стремление части белорусских историков, сориентированных на европейский вектор развития Беларуси, изменить ранее сложившуюся парадигму (в частности, это касается оценок положения Западной Беларуси в составе Польши в 1921–1939 гг., событий осени 1939 г. и действий польского сопротивления в Беларуси в конце 1930-х — начале 1950-х гг.). Понимания в белорусском обществе не находят требования польской стороны реабилитировать поляков, ставших жертвами сталинских репрессий в Беларуси в 1930-х — 1950-х гг. Отрицание современными польскими учеными нарратива Польской Народной Республики еще больше отдаляет в концептуальном плане Польшу от Беларуси, исторический нарратив которой в значительной мере выстроен на советском наследии.

Ключевые слова: *Республика Беларусь; Польша; историография; историческая политика; исторический нарратив.*

Исторический нарратив Польши XX в. в белорусской историографии зачастую сопровождался неоднозначными интерпретациями. Основу соответствующих интерпретаций заложила историография времен Белорусской ССР. В Советской Беларуси Польша первой половины XX в. («белая», «буржуазно-помещичья» и т.п.) предстала как агрессор, стремившийся захватить белорусские земли и поработить белорусское население (в первую очередь, крестьянство) практически с момента восстановления независимого польского государства осенью 1918 г. Образ Западной Беларуси (этнически белорусских земель, пребывавших в составе Польши с марта 1921 г. по сентябрь 1939 г.) как «отсталой колонии польского государства» прочно закрепился в белорусской советской историографии. Соответственно, приход Красной армии в сентябре 1939 г. рассматривался как акт исторического возмездия, поспособствовавший воссоединению разделенного белорусского народа. «Сложные» темы (поддержка СССР и БССР антипольского движения в Западной Беларуси в 1920-х гг., создание и ликвидация польских автономных районов в БССР в 1920-х гг., репрессии в отношении польского населения на белорусских землях в 1930-х — 1950-х гг., определение границ между БССР/СССР и Польшей в 1940-х — 1950-х гг., массовые перемещения поляков и белорусов в 1940-х — 1950-х гг., положение белорусов в Польской Народной Республике (ПНР) во второй половине 1940-х — начале 1980-х гг.) в белорусской советской историографии не рассматривались. Специфику имело отражение взаимодействия между БССР и ПНР во второй половине 1940-х — начале 1980-х гг., которое представлялось абсолютно бесконфликтным и высокорезультативным.

Обретение Беларусью независимости в 1991 г. привело к определенному размыванию советского нарратива. В историографии Республики Беларусь возникли новые трактовки событий прошлого, обусловленные прежде всего отношением историков к идее белорусской государственности и их геополитическими симпатиями. Условно в среде историков выделились три группы: «государственники» (поддерживавшие белорусскую модель развития в том виде, в каком она сложилась при А. Лукашенко), «евробелорусы» (ориентировавшиеся на «европейскую» модель развития) и «белороссы» (симпатизировавшие идее сильной России, противостоящей Западу). Особенностью формирования белорусской интерпретации польской проблематики было (и остается) то, что подходы белорусских «государственников» оказались ближе к подходам «белороссов», нежели к подходам «евробелорусов», что отразилось на восприятии Польши в белорусской постсоветской историографии.

Проблематика, связанная с освещением событий 1918—1921 гг., в белорусской постсоветской историографии существенных изменений в сравнении с советским временем не претерпела. В работах И. М. Игнатенко, В. А. Круталевича, И. И. Ковкеля, Э. С. Ярмусика, В. Ф. Ладысева, П. И. Бригадина, Р. Платонова, А. В. Тихомирова [1—7] Польша, восстановившая свою независимость в конце 1918 г., рассматривалась как государство с большими геополитическими амбициями, которые не в полной мере коррелировали с интересами белорусов. Даже ученые, стоящие на «роевропейских» позициях (к примеру, В. Е. Снапковский [8]) вынуждены признать очевидное несоответствие белорусских и польских интересов в рассматриваемый период.

Дискуссии в белорусском историческом сообществе вызывает «федералистская идея» Ю. Пилсудского в отношении «жителей бывшего Великого княжества Литовского», фигурировавшая в польском политическом дискурсе в 1919—1920 гг. Так, И. М. Игнатенко, В. А. Круталевич, И. И. Ковкель, Р. П. Платонов, В. Ф. Ладысев и П. И. Бригадин считали федерализм Пилсудского фикцией [1, с. 195—196; 2, с. 191; 3, с. 154; 4, с. 116; 6, с. 81], а В. Е. Снапковский и О. Н. Боровская — реальной идейной установкой польского лидера, которую не удалось осуществить из-за сильного сопротивления приверженцев идей Р. Дмовского, стоявших на радикальных националистических позициях [8, с. 35; 9, с. 31—33].

Практически единодушно историки Республики Беларусь сопровождают негативной коннотацией факт заключения Рижского мирного договора 1921 г., обращая внимание на то, что он стал «миром по договоренности» между Польшей и РСФСР и фактически представлял собой аннексию белорусских земель «чужими силами». В. Е. Снапковский высказывает мнение, что «Рижский мир оставался в межвоенный период незаживающей раной в массовом сознании белорусов по обе стороны границы, подпитывая советский и белорусский реваншизм и антипольские настроения» [8, с. 37]. О. Н. Боровская считает Рижский мир 1921 г. «осуществлением на практике унитарной концепции партии народных демократов (эндеков) и провал федералистских планов Ю. Пилсудского, который выступал за создание буферных марионеточных государств на восточных польских границах» [9; с. 226].

Существенных изменений не претерпела также интерпретация польской политики в отношении Западной Беларуси в 1921—1939 гг. Подавляющее большинство историков Республики Беларусь (В. А. Полуян, В. Ф. Ладысев, П. И. Бригадин, А. Н. Вабищевич, Н. М. Пурышева) рассматривали ее как ассимиляторскую, неэффективную и не соответствующую белорусским и польским интересам [5; 10—13]. В фундаментальных исторических трудах, опубликованных в Беларуси в 1990-х — 2000-х гг., присутствовала информация о деятельности польского концлагеря в Берёзе-Картузской в 1930-х гг. С тезисом о неэффективности польской политики межвоенного периода в отношении белорусов были вынуждены согласиться даже «евробелорусы» (к примеру, З. В. Шибeko и И. В. Мельников) [14, с. 262, 273; 15, с. 145].

Дискуссии вызывала проблематика, связанная с социально-экономическим положением Западной Беларуси. В частности, В. А. Полуян, принимавший активное участие в формировании советского нарратива о Западной Беларуси как отсталой аграрной окраине Польши, продолжал придерживаться этой установки и в условиях независимой Беларуси [10, с. 214]. Позицию В. А. Полуяна разделяли А.Н. Вабищевич, выступивший с ним в качестве соавтора в многотомном академическом издании «История Беларуси», И.И. Ковкель и Н.М. Пурышева, принявшая участие в подготовке учебного пособия для вузов [4, с. 475; 11, с. 353; 13, с. 184]. К примеру, Н.М. Пурышева утверждала, что польское правительство рассматривало «кресы восточные» в качестве сырьевого придатка Центрального и Западного регионов Польши и сознательно ограничивало их экономическое развитие [10, с. 184]. А. Н. Вабищевич также определял политику Польши межвоенного периода в отношении «кресов» как колониальную [13, с. 423].

Попытку сформулировать альтернативную точку зрения по данному вопросу предпринимали «евробелорусы» — З. В. Шибeko и И. В. Мельников. З.В. Шибeko утверждал, что экономическому развитию «кресов» препятствовала не только политика Польши, но и политическая нестабильность, спровоцированная политикой СССР, и обращал внимание на то, что здешние белорусы жили богаче своих соотечественников в БССР, поскольку над ними не проводились «невероятные экономические и социальные эксперименты» [14, с. 277]. И. В. Мельников указывал на активную деятельность в Западной Беларуси польских сберегательных банков и наличие на их счетах немалых средств местного населения [15, с. 37, 271].

Дискуссии возникли по проблеме партизанского движения в Западной Беларуси в 1920-х гг. В то время как И. И. Ковкель считал повстанцев героями, выступавшими против политики польских властей [4, с. 479, 482], И. В. Мельников утверждал, что «в белорусских лесах прятались не восставшие крестьяне, а хорошо подготовленные военные разведчики» [15, с. 17].

Проблематика, связанная с положением поляков в Советской Беларуси, широкого распространения в Республике Беларусь не получила. Одним из немногих авторов, раскрывших суть политики советской власти в отношении национально-культурных запросов польского населения в БССР стал В.В. Тугай [16]. В его очерке, посвященном созданию и деятельности польских национальных советов в БССР в 1920-х — 1930-х гг., отмечалось, что создание соответствующих структур нача-

лось во второй половине 1920-х гг., а в начале 1930-х гг. дело дошло даже до создания миниатюрной польской «социалистической республики» в Койдановском районе БССР. Однако эта республика просуществовала недолго, поскольку вызвала недовольство командования Западного военного округа. В 1937 г. эксперимент по созданию модели создания социалистической Польши был свернут, а многие его участники подверглись жестким репрессиям. В. В. Тугай признавал, что почва для создания польской автономии в БССР имела, поскольку поляки являлись автохтонным населением Советской Беларуси, но считал, что в значительной мере на создание и характер деятельности соответствующей автономии оказывали влияние внешние, пропагандистские факторы [16, с. 184; 188].

Достаточно активно в постсоветской Беларуси велась дискуссия о событиях Второй мировой войны и участии поляков в этих событиях (есть основания предполагать, что отчасти она стала реакцией на польские трактовки событий Второй мировой войны).

Нарратив об «исторической справедливости» включения Западной Беларуси в состав СССР и БССР осенью 1939 г. в Республике Беларусь пересмотру не подвергался. Подавляющая часть историков, стоящих на «государственнических» позициях (И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик, А. А. Коваленя, В. Ф. Ладысев, П. И. Бригадин, Н. В. Пурышева, С. Н. Хомич, В. В. Данилович, А. М. Кротов), считала действия руководства СССР осенью 1939 г. оправданными, необходимыми для укрепления обороноспособности Советского Союза и утверждала, что присоединение Западной Беларуси к БССР в полной мере отражало волю белорусского народа к воссоединению [4; 5; 13; 18—21]. К примеру, И. И. Ковкель и Э. С. Ярмусик использовали в своем обобщающем труде по истории Беларуси именно термин «воссоединение» и отмечали, что подавляющая часть белорусов встречала Красную Армию с радостью [4, с. 498—499]. Н. В. Пурышева утверждала, что население Западной Беларуси осенью 1939 г. «встречало Красную Армию хлебом и солью» как армию-освободительницу [13, с. 189]. А. М. Кротов обращал внимание на антипольские восстания и погромы, которые осуществлялись белорусским населением в отношении поляков осенью 1939 г. Он отмечал, что советским властным структурам, создаваемым на западнобелорусских землях, приходилось бороться против неконтролируемых разграблений имущества поляков и убийств представителей прежней польской администрации на «кресах», учиняемых местными крестьянами [17, с. 234—235].

Установка о «воссоединении» белорусских земель была предельно популярной у «белороссов». В сентябре 2016 г. группа «пророссийских» активистов в Беларуси учредила «Комитет 17 сентября», выразив намерение добиваться популяризации соответствующей даты как «Дня воссоединения белорусского народа» и внесения его в реестр государственных праздников Республики Беларусь (однако соответствующее предложение не было поддержано руководством Республики Беларусь и не получило массового положительного отклика в белорусском обществе) [22].

«Евробелорусы» (В. Е. Снапковский, З. В. Шибeko, И. Н. Кузнецов, И. В. Мельников) критически оценивали методы вхождения Западной Беларуси в состав СССР и БССР, ссылаясь на то, что она стала резуль-

татом договоренности между СССР и Германией о разделе сфер влияния в Восточной Европе в августе — сентябре 1939 г., осуществилась в условиях фактической поддержки руководством Советского Союза войны нацистской Германии против Польши, и без учета белорусских национальных интересов [8; 14; 15; 23]. З. В. Шибeko назвал объединение белорусских земель в 1939 г. «инкорпорацией» и утверждал, что реального объединения между Западной и Восточной Беларусью не произошло, поскольку оно не решало белорусские проблемы, а было направлено на распространение идей мировой коммунистической революции [14, с. 301, 306]. И. В. Мельников обращал внимание на то, что продвижение советских войск по территории Западной Беларуси проходило не беспрепятственно в силу оказанного в ряде мест сопротивления со стороны польских вооруженных сил, в составе которых пребывали и военнослужащие-белорусы [15, с. 180—191]

Критические оценки распространялись и на репрессивную политику руководства СССР в отношении поляков на западнобелорусских землях в 1939—1941 гг. Высокую степень активности в этом вопросе проявляли З. В. Шибeko, И. Н. Кузнецов, приложивший немало усилий в поисках «белорусского катынского списка», и И. В. Мельников [14; 15; 23; 24].

Практически неизменным остался подход белорусских историков к проблеме деятельности в Беларуси польской «Армии Краевой» в годы Второй мировой войны. Соответствующая проблематика активно присутствовала в белорусском историческом дискурсе в 1990-х гг., однако в XXI в. ей стало уделяться меньше внимания. Историки А. М. Литвин, Е. Семашко, В. И. Ермолович, С. В. Жумарь, И. А. Валаханович рассматривали действия польских повстанцев на территории Беларуси как ущемляющие белорусские национальные интересы, обращали внимание на их репрессивную деятельность и на сотрудничество с немецкими оккупационными властями [25—28]. С точки зрения белорусских историков, деятельность «Армии Краевой» не получила массовой поддержки в белорусском обществе, что предопределило политическое и военное поражение польской вооруженной борьбы в Беларуси.

При рассмотрении послевоенного периода исследователей Республики Беларусь интересовали проблемы определения границы между СССР (БССР) и Польшей в 1945—1951 гг., массового перемещения белорусского и польского населения во второй половине 1940—1950-х гг., действий польских националистов на территории БССР в 1945—1954 гг., взаимодействия БССР с ПНР в 1945—1989 гг.

Наиболее существенный вклад в дело изучения белорусско-польских отношений рассматриваемого периода внесли А. Ф. Великий, опубликовавший несколько монографий по проблемам белорусско-польских отношений второй половины 1940-х — 1950-х гг., В. И. Новицкий, изучивший состояние белорусско-польских отношений в области культуры в период существования БССР и ПНР, а также В. Е. Снапковский, рассмотревший весь комплекс белорусско-польских отношений второй половины 1940—1980-х гг. [8; 29—33; 35]

С точки зрения В. Е. Снапковского и А. Ф. Великого, в рассматриваемый период белорусско-польские отношения выстраивались как отношения двух неравноправных и несамостоятельных субъектов международных отношений, а основные направления и параметры

белорусско-польского сотрудничества определялись властями СССР [8, с. 164; 29, с. 214; 30, с. 337]. Специфика белорусско-польского сотрудничества заключалась в том, что БССР и ПНР являлись географически соседями и имели общую и достаточно протяженную границу, но их сотрудничество сохраняло ассиметричный характер, поскольку Народная Польша формально все же была суверенным государством, а Советская Беларусь — исключительно частью советской федерации (несмотря на формальное предоставление ей властями СССР права осуществлять внешнеполитическую деятельность в 1944 г.) [8, с. 165].

Рассматривая проблему установления Государственной границы между СССР (и БССР) и Польшей во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., белорусские историки (А. Ф. Великий, В. Е. Снапковский) утверждали, что она не в полной мере соответствовала интересам Беларуси, поскольку отрывала от Беларуси территории с преобладающим этнически белорусским населением (в первую очередь, Белосточчину). Более того, по их мнению, Советская Беларусь не участвовала в процессе определения границы и выступала исключительно в качестве объекта воздействия со стороны Польши и руководства СССР, утверждая решения, которые принимались в Москве [8, с. 124—125, 164; 31, с. 335; 33, с. 88].

Критически оценивали белорусские историки и процесс перемещения польского населения из БССР и белорусского населения из Польши («обмен населением»), начало которому положило соглашение между властями БССР и Польской Республикой от 9 сентября 1944 г. Признавая то, что БССР формально являлась стороной, подписавшей данное соглашение, белорусские исследователи указывали, что параметры его выполнения в значительной мере определялись не в Минске, а в Москве [31, с. 91]. Обращали они внимание и на то, что в 1946 г. руководство СССР вообще прервало процесс перемещения населения, возобновив его лишь во второй половине 1950-х гг. [30, с. 278; 31, с. 339].

Особенностью процесса перемещения, по мнению белорусских историков, было его осуществление преимущественно в одностороннем порядке. Как в середине 1940-х, так и во второй половине 1950-х гг. в большинстве своем люди перемещались из БССР в Польшу (во второй половине 1950-х гг. перемещение населения из Польши в БССР вообще не предусматривалось). Ситуацию осложняло отсутствие в Минске польского консульства, несмотря на просьбы поляков выдать разрешение на его создание. По мнению А. Ф. Великого, поляки, репатриировавшиеся в Польшу из БССР, преобладали в общем количестве поляков, репатриировавшихся из СССР в целом [31, с. 339]. Исследователь объяснял этот факт стремлением граждан СССР польской национальности, проживавших в БССР, улучшить свое материальное положение, а также их неприятием советской коллективизации. В качестве положительного итога перемещения населения белорусские авторы отмечали содействие национальной консолидации белорусов в БССР [31, с. 338].

Характеризуя деятельность польских националистов в Беларуси во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., белорусские авторы обращали внимание на активность польского антисоветского сопротивления (полностью подавить очаги польского подполья в БССР советские власти смогли лишь в 1953 г.) [26, с. 223; 34, с. 47]. Однако действия польских вооруженных формирований белорусские историки оцени-

вали неодобрительно, обращая внимание на то, что соответствующие структуры вели борьбу с белорусским государством (хоть и в форме БССР). Практически все белорусские авторы выступали против героизации командиров и рядовых участников польских вооруженных формирований, обращая внимание на то, что их деятельность в послевоенный период приобрела характер заурядного бандитизма («евробелорусы», как правило, воздерживались от освещения данной проблемы, предпочитая концентрировать внимание на фактах антисоветских выступлений белорусов).

Сюжет, связанный с интернированием поляков с территории западных областей СССР в 1944—1947 гг., был раскрыт в статье И. Н. Кузнецова [36]. Автор статьи отмечал, что интернированные поляки не рассматривались советским руководством как политические заключенные, но их реальное положение не намного отличалось от положения соответствующей категории советского населения [36, с. 40, 42].

Неоднозначно оценивали белорусские исследователи и результаты белорусско-польского взаимодействия в сферах экономики и культуры. Признавая факт существенной активизации этих связей во второй половине 1950-х гг., историки Республики Беларусь обращали внимание на то, что сотрудничество не всегда было продуктивным в силу специфики его осуществления. Налаживанию взаимовыгодных связей препятствовали особенности политической и экономической системы СССР (и БССР), высокий уровень идеологизации сотрудничества, отсутствие самостоятельности при определении Беларусью политики в отношении Польши. Зачастую мероприятия, проводимые БССР и ПНР, выполняли исключительно пропагандистские функции. Сближению Беларуси и Польши не способствовало предоставление польскими властями белорусам права национального меньшинства во второй половине 1950-х гг., поскольку польская политика была сориентирована преимущественно на удовлетворение потребностей белорусов в области культуры и образования, а в БССР в то же самое время осуществлялась ускоренная русификация белорусского населения [8, с. 172—173, 189]. В начале 1980-х гг. белорусско-польское сотрудничество в сфере культуры, туризма и т.д. было приостановлено и значимость белорусского компонента в белорусско-польском общении возросла лишь в условиях перестройки в СССР в конце 1980-х гг. [8, с. 189]

Исходя из вышесказанного, можно констатировать наличие существенных расхождений в исторических нарративах Беларуси и Польши. События, которые для поляков являются предметом национальной гордости, белорусы зачастую интерпретируют с совершенно противоположных позиций. Нарратив Польши и польской политики XX в. в историографии Республики Беларусь не сопровождался позитивной коннотацией, многие утвердившиеся в советское время оценки исторических событий, сохранились, несмотря на стремление части белорусского научного сообщества («евробелорусов») изменить ранее сложившуюся парадигму (в частности, это касается оценок положения Западной Беларуси в составе Польши в 1921—1939 гг., событий осени 1939 г. и действий польского сопротивления в Беларуси в конце 1930-х — начале 1950-х гг.). Понимания в белорусском обществе не встречает и требование польской стороны реабилитировать поляков, ставших жертвами сталинских репрессий в Беларуси в 1930-х — 1950-х гг. Отрицание

сварменнымі польскімі ученымі нарратыва Польскай Народнай Рэспублікі яшчэ больша аддаляе ў канцэптуальным плане Польшу ад Беларусі, істэрычэскі нарратыв каторой ў значытэльнай мэрэ выстроен на саветскім наслэдзіі.

БІБЛІАГРАФІЧЕСКІЕ ССЫЛКІ

1. Ігнатенка, І. М. Октябрская рэвалюцыя і самаадрэделение Беларусіі / І. М. Ігнатенка. — Мінск: Навука і тэхніка, 1992. — 254 с.
2. Круталевіч, В. А. Історыя Беларусі: Становленне нацыянальнай дэжавнасткі (1917—1922 гг.) / В. А. Круталевіч. — Мінск: Б.и., 1999. — 388 с.
3. Коўкель, І. І. «Беларускае пытанне» у палітыцы Польшчы (1918—1920) / І. І. Коўкель / Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новая канцэпцыя і падыходы): Усебеларус. канф. гісторыкаў. Мінск, 3—5 лют. 1993 г. У 2-х ч. Ч. 1: гісторыя Беларусі. — Мінск: Універсітэцкае, 1994. — С. 150—161.
4. Ковкель, І. И. Історыя Беларусі с дрэвнейшых врэмен да нашэго врэмені / І. И. Ковкель, Э. С. Яруснік. — Мінск: «Аверсэв», 1998. — 592 с.
5. Ладзеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.) / У. Ф. Ладзеў, П. І. Брыгадзін. — Мінск: БДУ, 2003. — 307 с.
6. Платонаў, Р. П. Старонкі гісторыі Беларусі: Архівы сведчаць; з навук. спадчыны / Р. П. Платонаў; Уклад.: У. В. Фядосаў і інш. — Мінск: Бел НДІДАС, 2002. — 352 с.
7. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918—1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. — Мінск: Экаперспектыва, 2003. — 400 с.
8. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918—2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2017. — 287 с.
9. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918—1921 гг. / В. М. Бароўская. — Мінск: Беларус. навука, 2017. — 269 с.
10. Палуян, У. А. Заходняя Беларусь у 1921—1939 гг. / У. А. Палуян // Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк [і інш.]; Ін-т гісторыі АНБ. — Мінск: Беларусь, 1995. — С. 214—264.
11. Вабішчэвіч, А. Эканамічнае і сацыяльна-палітычнае становішча народа / А. Вабішчэвіч, У. Палуян // Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. — Мінск: Экаперспектыва, 2006. — 613 с.
12. Ладзеў, У. Беларускае пытанне ў грамадска-палітычным жыцці міжваеннай Польшчы / У. Ладзеў, В. Даніловіч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. / А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 2011. — С. 564—584.
13. Пурышева, Н. М. Утверждение советской социально-экономической и социокультурной системы в Беларуси / Н. М. Пурышева // История Беларуси. В 2 ч. Ч. 2 / Я. И. Трещенок, А. А. Воробьев, Н. М. Пурышева, М. И. Матюшевский; под ред. Я. И. Трещенка. — Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. — 301 с.
14. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002) / З. Шыбека. — Мінск: «Энциклапедыкс», 2003. — 490 с.
15. Мельнікаў, І. В. Заходнебеларуская атлантыда 1921—1941 гг. / І. В. Мельнікаў. — Мінск: Галіяфы, 2015 г. — 428 с.
16. Тугай, У. Польскія нацыянальныя саветы на Беларусі (20-я — 30-я гады XX ст.) / У. Тугай // XX стагоддзе ў гісторыі палыкаў і беларусаў: Матэрыялы беларуска-польскай навуковай канферэнцыі, 20 — 21 лістапада 2000 г., г. Мінск / Адк. рэд. У. Міхнюк, П. Ганцарэк. — Мінск: БДУ, 2001. — С. 184 — 189.
17. Кротов, А. М. Польские погромы в Западной Беларуси в сентябре 1939 г. / А. М. Кротов // Беларусь // Беларускія гістарычныя шляхі, ўзаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Міжнародная навук. канф., 28—29 верасня 2006 г., Гомель — Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. — С. 231—236.
18. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / А. А. Каваленя, У. І. Лемяшонак, Б. Дз. Далгатавіч [і інш.]; пад рэд. А. А. Кавалені, М. С. Сташкевіча. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2004. — 278 с.
19. Хоміч, С. Далучэнне Заходняй Беларусі да БССР / С. Хоміч, М. Касцюк, А. Літвін // Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. — Мінск: Экаперспектыва, 2006. — С. 449—474.

20. Даніловіч, В. Беларуская дзяржаўнасць напярэдадні і ў пачатку Другой сусветнай вайны (1939—1941 гг.) / В. Даніловіч, А. Каваленя, У. Ладысеў // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. / М. У. Смяховіч [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 2012. — С. 35—64.

21. Ладысеў, У. Ф. Беларуская нацыя: уз'яднанне, верасень 1939 г. — чэрвень 1941 г.: зб. дак. і матэрыялаў. — Мінск: БДУ, 2004. — 197 с.

22. Белорусский «Комитет 17 сентября» определил направления деятельности // Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. — 21.10.2016. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2195359.html>. — Дата доступа: 13.10.2017.

23. Кузнецов, И. Н. Засекреченные трагедии советской истории / И. Н. Кузнецов. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 251 с.

24. Белорусский катынский список существует, заявляет историк Игорь Кузнецов [Электронный ресурс] // Народная воля. — 16.01.2012. — Режим доступа: <https://www.nv-online.info/2012/01/16/beloruskij-katynskij-spisok-sushhestvuet-zayavlyaet-istorik-igor-kuznetsov.html>. — Дата доступа: 28.09.2018.

25. Літвін А. Акупацыя Беларусі (1941—1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А. Літвін. — Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. — 287 с.

26. Сямашка, Я. Армія Краёва на Беларусі / Я. Сямашка. — Мінск: Беларускае выдавецкае таварыства «Хата», 1994. — 416 с.

27. Ермолович, В. И. Огнем и мечом: хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939—1953 гг.) / В. И. Ермолович, С. В. Жумарь. — Минск: БелНИИЦ-ДААД, 1994. — 112 с.

28. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944—1953 гг. / И. А. Валаханович. — Минск: БГУ, 2002. — 144 с.

29. Вялікі, А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944—1946 гг.) / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2005. — 319 с.

30. Вялікі, А. Ф. Беларусь — Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: НАРБ, 2007. — 309 с.

31. Вялікі, А. Ф. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах, 1944—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2010. — 247 с.

33. Снапкоўскі, У.Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944—1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: Беларуская навука, 1997. — 207 с.

34. Навіцкі, У. Барацьба з антысавецкім падполлем / У. Навіцкі // Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946—2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Современная школа, Эксперспектива, 2011. — С. 46—56.

35. Навіцкі, У. Беларуска-польскія культурныя сувязі (сярэдня 50-х — сярэдня 80-х гадоў XX ст.) / У. Навіцкі // XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў: Матэрыялы беларуска-польскай навуковай канферэнцыі, 20 — 21 лістапада 2000 г., г. Мінск / Адк. рэд. У. Міхнюк, П. Ганцарэк. — Мінск: БДУ, 2001. — С. 218—227.

36. Кузнецов, И. Интернирование поляков с территории западных областей СССР (1944—1947 гг.) / И. Кузнецов // Беларуская-польскія адносіны: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. круглага стала, Мінск, 30 кастр. 2014 г. / рэдкал.: В.Г. Шадурскі (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2015. — С. 36—43.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ, проект «Историческая политика Беларуси как фактор развития современных белорусско-польских отношений», Г17-120 от 18.04.2017 г.

БЕЛАРУСЬ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ У ПОЛЬСКІМ АДЛЮСТРАВАННІ ХХІ ст. (пастаноўка навуковай праблемы)

**Часноўскі М. Э., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
e-mail: m.chasnouski@gmail.com
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь**

У якасці светапоглядна-даследчага дыскурса сучасных беларуска-польскіх узаемадчынненняў фармулюецца навуковая гіпотэза аб стане і ролі гістарычнай палітыкі ў іх фарміраванні і эвалюцыі. Вылучаецца некалькі грамадска-палітычных пільняў у сучаснай польскай гістарыяграфіі, якія па-рознаму адлюстроўваюць і культывуюць адносіны да беларусаў і Беларусі: настальгічная, «крэсавая», паслядоўная дэмакратычная.